

16. Степанова, И. Н. Духовность личности как проблема философии образования [Текст] / И. Н. Степанова, С. М. Шалютин // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 99-107.

17. Философский словарь [Текст] / под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ

Слуднева Людмила Валентиновна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Иркутский государственный лингвистический университет», г. Иркутск, Россия

УДК 8

ББК 81.001.2

УТОПИЯ: «МИР ВОЗМОЖНЫХ ДЕЙСТВИЙ»

В данной статье рассматривается проблема языковой репрезентации одного из ментальных пространств (возможных миров) утопии. Цель исследования - на основании имеющихся данных описать когнитивные и лингвистические средства представления утопии как «мира возможных действий».

Ключевые слова: утопия; ментальные пространства; идеальное; воображаемое.

UTOPIA: THE WORLD FOR AN ACTION

The article deals with the problem of linguistic representation of one of the mental spaces (possible worlds) of utopia. The research purpose is to describe cognitive and linguistic mechanisms of utopia as 'the world for an action' according to the received results.

Key words: utopia; mental spaces; the ideal; the imaginary.

Формирование антропоцентрической парадигмы в языкознании и других областях гуманитарного знания привело к «развороту лингвистической проблематики в сторону человека» (В.А. Маслова) и, в частности, обусловило ее интерес к эмоциональным [Слуднева, 1998]. И иного рода вербально выраженным состояниям, которые отвлекают его от действительного мира и погружают в сферу воображения.

Одним из продуктов человеческого воображения признается специфический феномен утопии (по названию первого классического произведения «Утопия» Томаса Мора (1516), занимающего умы мыслителей и философов со времен Платона и Аристотеля и получающего дальнейшее освещение в трудах современных зарубежных [Аинса, 1999; , Блох, 1997; Барт, 1989; Мангейм, 1994; Ортега-и-Гассет, 1991; Поппер, 2004; Рассел, 2001] и отечественных исследователей [Баталов, 1973; Кирвель, 1989; Чернышева, 1975]. В работах названных авторов подчеркивается глобальный характер утопии,

означающий, что ее признаки присутствуют в осмыслении различных аспектов человеческого существования, связанных не только с проблемами государственного и социального устройства, но и внутренней природой самого человека (Х. Ортега-и-Гассет, А. Маслоу), его взаимоотношениями с физическим миром, а также языком, на котором он говорит (Вяч. Иванов; Р. Барт). На всеобъемлющий характер утопии указывает Ю.М. Лотман и определяет ее как «одну из составляющих человеческой культуры» [Лотман, 2000].

В современной науке обозначения «утопия» и «утопическое», в большинстве случаев, лишены оценочных значений в противовес сложившемуся в обыденном сознании и закрепленному в естественном языке негативному представлению об утопии как бесплодной конструкции человеческого воображения. Безоценочные трактовки исходят из ряда философских, социологических и культурологических концепций, в соответствии с которыми утопия есть специфический способ восприятия реальности (видение мира), имеющее особое значение «для поддержания веры в будущее человека» (Э. Фромм).

Классической формой выражения утопии признаются философские трактаты, социальные и политические теории, литературные произведения. По мнению некоторых исследователей, утопия с необходимостью предполагает наличие у ее авторов развернутой доктрины или программы действий и обнаруживает себя исключительно в условиях организованности людей в объединения (группы, движения, партии. пр.) Вместе с тем, как утверждает автор одной из наиболее цитируемых работ «Реконструкция утопии» Ф. Аинса, утопистом можно стать, не написав ни одной утопии, поскольку «альтернативное видение реальности необязательно проявляется в связном и последовательном сочинении, соотносимом с жанром, но сомнение в правильности мироустройства или просто надежда на лучший миропорядок сами по себе уже являются признаками утопического мышления» [Аинса, 1999, с. 19-20]. «Способность сказать «нет» своей действительности – вот, что характеризует *homo utopicus*» [Аинса, 1999, с. 62].

Сказанное свидетельствует о том, что в современных исследованиях наметился сдвиг в сторону расширительной трактовки утопии, в соответствии с которой она начинает ассоциироваться с многообразием жанровых форм – от философского эссе, государственного романа, манифеста до газетных статей. Следствием расширения области утопии становится то, что большинство исследователей предпочитают говорить не об утопии как таковой, а об «утопической составляющей», «элементах утопического», «утопических чертах», «мотивах», «сюжетах», «тенденциях», пр.

Принимая вслед за большинством исследователей точку зрения о несводимости утопии к единому жанру, мы полагаем, что в сферу утопического могут включаться тексты и высказывания, интерпретирующие политическое, экономическое, культурное состояние общества, межличностные отношения, содержание общечеловеческих и национальных ценностей с ориентацией на их идеальное (или «лучшее, чем теперь») состояние. В большинстве случаев их формирование носит интуитивный характер и обусловлено стремлением к «стихийному поиску социальной истины» (М.К. Мамарда-

швили). Названный подход не противоречит устоявшейся исследовательской позиции, в соответствии с которой утопия как способ миропонимания воплощается во множестве форм - от сложных рационально-рефлексивных или образно-художественных до непосредственных социально-психологических реакций, соотносимых с обыденным уровнем мышления.

Можно предположить, что человеческое воображение способно конструировать множество утопических миров, часть которых остается вне вербального выражения. Однако, для того чтобы стать принадлежностью общественного сознания или фактом истории, утопия должна быть описана и зафиксирована в виде некоторого текста (Ср. «утопия - это всякий выраженный, описанный идеал» (В.А. Чаликова). Опосредованность утопии языковым знаком как необходимое условие ее существования делает возможным сформулировать рабочее определение утопии, понимаемой в рамках данной статьи как расширение мыслительного пространства говорящего в виде совокупности представлений и обусловленных ими высказываний об «идеальном» («лучшем»), отличающихся от того, «что мы видим в качестве обычного, окружающего нас и представляющегося действительным положением дел» [Кубрякова, 2002, с. 278]. Данные представления структурируются по типу ментальных пространств (возможных миров) (С. Крипке, Я. Хинтиikka, В.В. Целищев), количество которых поддается исчислению и типологизации с точки зрения репрезентирующих их языковых средств. Языковые средства, участвующие в репрезентации ментальных пространств (возможных миров) утопии, выступают в роли коннекторов между «действительным» и «желаемым» и дают возможность установления степени их соответствия друг другу.

Один из «возможных миров» утопии может быть обозначен как «Мир возможных действий». В возможном мире данного типа очерчивается и стимулируется область возможных действий говорящего и/или собирательного адресата (общества, мира в целом), которые могут быть как когнитивными - переосмысление существующей реальности, так и поведенческими, направленными на ее изменение. В рамках данного пространства выделяется два подтипа. Первый из них интерпретирует существующее положение дел в контексте прошлого, второй - в контексте будущего. И в том и в другом случае понятие «лучший мир» сдвигается в область потенциально возможного и выступает как достижимая цель. Лингвистически это достигается за счет языковых средств побудительной модальности.

Следующий пример - фрагмент программной статьи, обосновывающий необходимость «культурных войн» в современном мире. (П. Вайрих, У. Линд). Характер проекции (прошлое как образ «лучшей» реальности), а также поставленная цель - 'a conscious, deliberate recovery of the past' - отражают одну из особенностей утопического восприятия времени, в соответствии с которой прошлое всегда идеализируется. Оценка состояния дел в настоящем и вытекающие из данного состояния следствия обосновывают необходимость конкретных действий: «восстановление традиционных городов» (The New Urbanism), «отмена» идеологии и политкорректности, воз-

врат былых ценностей, возрождение ретро-манер и ретро-моды: 'American society has continued to decline into the abyss... The next conservatism's most fundamental impulses are to recover good things from the past. Traditional cities and towns, passenger trains and streetcars, are examples of this tendency, which we label 'retroculture': a conscious, deliberate recovery of the past. If the next conservatism is to reverse this decline it must do three things. First, it must aspire to change not merely how people vote but how they live their lives. It must lead growing numbers of Americans to secede from the rotten pop culture of materialism, consumerism, hypersexualization, and political correctness... This recovery should not be imposed through political power. This is the second action the next conservatism must take: putting power in its place... The third thing the next conservatism must do: restore the American Republic... A Republic devoted to liberty imposes no ideology on its citizens... The next conservatism includes a bottom-up, grass-root movement, similar to the 19th-century temperance movement, devoted to restoring traditional ways of living.

What sorts of specifics might the next conservatism include? - revive the dormant conservative agrarian tradition... Family farms are good places for children to grow up. Another old conservative issue is aesthetics. Strip malls, suburban sprawl, and hollowed-out cities have created environment few people can love. The New Urbanism offers an alternative that looks to the past to recover traditional designs for towns and cities.

Relatedly, the next conservatism should promote the return of trains and streetcars as alternatives to dependence on automobiles... bringing back trains and trolleys can save us time and help revitalize our cities... coming generations will thank us for re-creating the network of trains and streetcar lines America once enjoyed.' ... Why not retro manners and retro dress? It would be nice to see men's and ladies' hats again... By making old things new, retroculture might offer a counterweight to the endless spiral downward that pop culture decrees in everything. So conservative movement is just this: a growing coalition of people who are committed to living differently... They seek to work with other Americans, and perhaps Europeans as well, who know the past was better than the present and are committed to living as their ancestors did... But they look beyond politics to lives well lived in the old ways, as lamps for their neighbors' footsteps, as harbingers of a world restored... It wants to restore the old ways of life, the ways in which the vast majority of Americans lived up through the 1950s. If it fails in this, if conservatives continue to win politically while losing the culture war, it will have failed in everything.' [Weyrich, 2007].

Второй подтип основан на мысленном внесении в мир объектов и отношений между ними, ранее не существовавших. В следующих высказываниях с признаками радикальной феминисткой утопии затрагивается идея «гендерного равенства», предполагающая, что половые роли сконструированы человеком и не имеют биологического происхождения. Вопрос о том, что следует сделать, чтобы добиться поставленной цели, решается следующим образом: создание тоталитарной системы (Stalinesque society, the gulags) для

насиловать искоренения гендерных стереотипов и «переписывания» программы человеческого мозга:

'Will males, along with their female counterparts, be allowed to pierce their ears? Wear their hair long? Paint their fingernails? Wear perfume, skirts, high heels, and carry purses? Why not? To be truly equal, don't we have to neglect gender entirely? Either we make it a totally genderless environment or there will still be a double standard. Is that what we want from a government sanctioned and funded entity?'

'What needs to happen to have a truly genderless society? Firstly, we need to get rid of consumerism. Consumerism works by big companies exploiting our instincts and stereotypes to sell us stuff we probably don't need... Realistically, though, the only way I can see us having a genderless society in the near future would be to create a Stalinesque society where any sexist attitudes are reported to the police and offenders sent to the gulags. To entirely overcome the indoctrination of gender stereotypes into children we need to remove the instinct to create gender stereotypes in the first place - and this requires a serious re-wiring of the human brain.' [www.writework.com].

Библиографический список

1. Аинса, Ф. Реконструкция утопии [Текст] / Ф. Аинса. – М. : Наследие, 1999. - 206 с.
2. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию [Текст] / Э. Блох; пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. - Екатеринбург, 1997. - С. 363-391.
3. Барт, Р. Б. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Текст] / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Р. Б. Барт - М. : Прогресс, 1989. - 616 с.
4. Баталов, Э. Я. Философия бунта // Критика идеологии левого радикализма [Текст] / Э. Я. Баталов - М. : Политиздат, 1973. - 222 с.
5. Кирвель, Ч. С. Утопическое сознание. Сущность социально-политической функции [Текст] / Ч. С. Кирвель - Минск, 1989. - 66 с.
6. Кубрякова, Е. С. Рецензия [Текст] // Бабушкин А.П. Возможные миры в семантическом пространстве языка. Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2002. - № 1. - С. 278-281.
7. Лотман, Ю. М. Л80 Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман - СПб. : Искусство-СПБ, 2000. - 704 с.
8. Мангейм, К. Идеология и утопия [Текст] / К. Мангейм; пер. М. И. Левиной. - М. : Просвещение, 1994. - 276 с.
9. Ортега-и-Гассет, Х. Человек и люди [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет - М. : Просвещение, 1991. - 242 с.
10. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания [Текст] / К. Р. Поппер. - М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. - 638 с.
11. Рассел, Б. История западной философии [Текст]. В 3 т. / Б. Рассел. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. - 992 с.
12. Слуднева, Л. В. Роль национально-культурной картины мира в

процессах эмотивной номинации [Текст] / Л. В.Слуднева // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний : материалы всероссийской научной конференции. – Иркутск : ИГЛУ, 1998. - С. 167.

13. Чернышева, Т. А. О художественной форме утопии [Текст] / Т. А. Чернышева // Поэтика русской советской прозы. - Иркутск, 1975. - С. 22-40.

14. Weyrich, P. M. *The American Conservative* [Text] / P. M. Weyrich, W. S. Lind. - February 12, 2007.

15. *Need For Genderless Society Freedom Equality Justice* . – URL : [http: // www.writework.com](http://www.writework.com) (дата обращения 10.05.2011).

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ: МЕХАНИЗМЫ И ПРОЦЕССЫ

Якубовская Эльвира Владимировна

Старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Иркутский государственный лингвистический университет», Иркутск, Россия

УДК 811.11-112

ББК 81.432.1

ОТЫМЕННЫЕ ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПО КОНВЕРСИИ ОТ ПРЕДМЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ИНСТРУМЕНТ»

В данной статье речь идет о продуктивном способе словообразования в английском языке – конверсии. Рассматривается группа отымённых глаголов, образованных от существительных со значением «инструмент». Уделяется внимание определению фреймов *instrument*, *doing sth with an instrument*.

Ключевые слова: конверсия; отымённые конверсионные глаголы; безаффиксальная транспозиция; фразовый глагол; фрейм; инструмент.

DENOMINAL PHRASAL VERBS CONVERTED FROM NOUNS WITH THE MEANING OF “INSTRUMENT”

The article deals with conversion, a productive method of word-formation in the English language. A group of denominative verbs, derived from nouns with the meaning of “instrument” is investigated. The author tries to define such frames as *instrument*, *doing sth with an instrument*.

Key words: conversion; denominal converted verbs; non-affix transposition; phrasal verb; frame; instrument.

Конверсия – один из способов словообразования в современном английском языке. Это чрезвычайно продуктивное средство пополнения словарного состава английского языка. Конверсия существует во многих языках, но именно в английском она получила широкое распространение, что объясняется совпадением звуковой формы существительных и глаголов в результате утраты окончаний и заимствованиями из французского языка [Смирницкий,